

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Уртминцева М. Г. Жанр письма в творчестве М. Горького (переписка с В. Ф. Ходасевичем (1924—1925) / М. Г. Уртминцева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 249—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-249-266.

Urtmintseva, M. G. (2025). Epistolary Genre in Works of Maxim Gorky: Correspondence with V. F. Khodasevich (1924—1925). *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 249-266. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-249-266. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Жанр письма в творчестве М. Горького (переписка с В. Ф. Ходасевичем (1924—1925)

Уртминцева Марина Генриховна

orcid.org/0000-0001-5198-4116

доктор филологических наук,
профессор, кафедра славянской
филологии и культуры
urtminzeva@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Epistolary Genre in Works of Maxim Gorky: Correspondence with V. F. Khodasevich (1924—1925)

Marina G. Urtmintseva

orcid.org/0000-0001-5198-4116

Doctor of Philology, Professor,
Department of Slavic
Philology and Culture
urtminzeva@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию особенностей жанра письма в эпистолярном наследии М. Горького 1924—1925 годов. Это период наиболее активного творческого общения с В. Ходасевичем, видным представителем русской культурной эмиграции. Цель статьи — показать, что письма М. Горького В. Ходасевичу — творческий акт, рождающийся в процессе недолгого эпистолярного общения корреспондентов. Представлены результаты анализа, в ходе которого было доказано, что рассматриваемые письма Горького представляют собой индивидуальную жанровую структуру. Представлена авторская разработка исследования жанра как динамической структуры, обладающей как устойчивыми сюжетно-композиционными приемами, так и вариативными способами апелляции к адресату, отражающими индивидуальность творческого процесса создания письма. В исследовании показано, что комплекс использованных в письмах Горького способов создания текста обусловлен особенностями личности участников, характером эпохи и обстоятельствами, в которых осуществляется переписка. Установлены устойчивые формулы эпистолярного общения М. Горького с В. Ходасевичем, сложившиеся в ходе обсуждения вопросов публикационной политики журнала «Беседа». Новизна исследования определяется доказательством многофункциональности этикетных приемов письменного диалога, ассоциативной обусловленностью сюжетной динамики, использованием различных видов сверткста, ориентацией на восприятие текста адресатом.

Ключевые слова:

М. Горький; В. Ходасевич; эпистолярный жанр; этикет письма.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates the characteristics of the epistolary genre within the correspondence of Maxim Gorky during the years 1924–1925. This period marks a time of vibrant creative exchange with V. Khodasevich, a prominent figure in Russian cultural emigration. The aim of the study is to demonstrate that Gorky's letters to Khodasevich represent a creative act emerging from their brief yet impactful epistolary interaction. The analysis reveals that these letters constitute an individual genre structure, showcasing the author's innovative approach to the genre as a dynamic entity characterized by both stable narrative-compositional techniques and varied methods of addressing the recipient, reflecting the uniqueness of the creative process involved in composing the letters. The research highlights how the complex array of textual creation methods employed in Gorky's letters is influenced by the personalities of the correspondents, the nature of the era, and the circumstances surrounding their correspondence. It identifies consistent formulas in Gorky's epistolary communication with Khodasevich, particularly those developed during discussions on the publication policies of the journal "Beseda." The novelty of this study lies in its demonstration of the multifunctionality of polite discourse strategies in written dialogue, the associative nature of narrative dynamics, the use of various types of supertext, and the focus on how the text is perceived by its recipient.

Key words:

Maxim Gorky; V. Khodasevich; epistolary genre; letter etiquette.

УДК 82-155+82-6+821.161.1Горький.06

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-249-266

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Жанр письма в творчестве М. Горького (переписка с В. Ф. Ходасевичем (1924—1925))

© Уртминцева М. Г., 2025

1. Введение = Introduction

Эпистолярная форма общения рассматривается в современной теории письма в разных аспектах. Вопросы комментирования и издания эпистолярных текстов поднимаются практически во всех работах, посвященных теории и практике изучения эпистолярия [Ефременко, 1964; Смирнова, 1964; Михайлов, 1964; Спиридонова, 2012], отмечается, что способ публикации писем определяется типом издания, то есть его целевой установкой [Благой, 1957; Гришунин, 1964], обосновываются принципы комментирования эпистолярия, учитывающие такие его параметры, как адресат, адресант и время написания [Прохоров, 1966; Спиридонова, 2018]. Архитектоника письма и категория исторического времени, в котором происходит общение адресата и адресанта, по мнению исследователей, являются важным основанием для признания письма как документа — источника [Сметанин, 1980], чему уделяется значительное внимание ученых-текстологов [Лихачев, 1983; Спиридонова, 2012]. В лингвистических исследованиях письма основное внимание уделяется изучению принципов письменного и устного общения, анализу речевых актов адресанта и адресата [Арутюнова, 1981], прагматике адресанта и способу интерпретации смысла написанного / сказанного [Демьянков, 1986]. Другое направление исследований связано с определением жанровых границ между письмом, эпистолярной формой литературно-критического материала, письмом как жанром публицистики [Михайлов, 1964; Прохоров, 1966] и художественным жанром эпистолы [Томашевский, 1931]. Диалогическая структура письма, объединяющая высказывания участников переписки, квалифицируется как особый вид текста [Паперно, 1974], «целостный текст» [Наумов, 1986].

Переписка М. Горького настолько обширна, что из двадцати четырех запланированных еще в 70-е годы томов в настоящее время увидели свет

двадцать два, при этом 22 том вышел в двух полутомах. Эпистолярное наследие М. Горького еще только предстоит освоить в полном объеме, рассмотрев его в контексте времени создания того или иного письма, личности адресата, определив таким образом вектор идейно-философских и художественных исканий писателя, характерных для общения с корреспондентом, обусловленного исторической ситуацией. В этом плане особого внимания заслуживают письма М. Горького середины 20-х годов из Италии, так как важное место в них занимают вопросы создания культуры молодого советского государства, распространения отечественной литературы за границами России, в частности в среде русской эмиграции [Бочарова, 2012].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В горьковедческих исследованиях эпистолярная начиная с 1940-х годов поднимались вопросы эдиционного характера [Балухатый и др., 1941], проводился анализ идейно-тематического плана переписки М. Горького с разными корреспондентами [Тимофеев, 1963, с. 10—29], разрабатывалась методика работы с письмом в процессе исследования творчества писателя [Волков, 1951; Бурсов, 1961], определялись принципы публикации и комментирования эпистолярного наследия М. Горького [Овчаренко, 1997]. В начале XXI века появляются работы, посвященные публикации и комментированию писем из архива М. Горького к разным адресатам [Горький и его корреспонденты ..., 2005], не издававшихся ранее писем Горького [Горький в зеркале, 2010], анализу особенностей эпистолярного общения М. Горького [Быстрова, 2018], методологии их публикации и комментирования [Плотникова, 2024].

Актуальность предпринятого исследования определяется тем, что текст письменного высказывания М. Горького рассматривается как структура, отражающая образ времени, в котором она осуществляется, характер отношений корреспондентов, меняющихся в зависимости от общественно-политических и личных обстоятельств. Комплексное исследование идейно-тематического, сюжетного, композиционного, стилистического своеобразия их переписки при использовании историко-функционального, рецептивного и типологического методов позволит восполнить существовавшую ранее лауну в представлении о взаимоотношениях М. Горького и В. Ходасевича, использовать письмо как документальный источник, сохранивший также образ эпохи середины 20-х годов XX века. Новизна работы заключается в доказательстве тезиса о письмах М. Горького к В. Ходасевичу как жанровой структуре, в которой синтезированы публицистическое и художественное начала.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Журнал «Беседа» и его роль в осуществлении контакта Советской России и русской эмиграции

Эпистолярное общение Горького периода эмиграции, после отъезда из России в 1921 году, становится особенно интенсивным. Живя в Италии, Горький оказывается своеобразным центром, осуществляющим связь между Россией и Европой. Об этом он сообщает в одном из писем А. Е. Богдановичу в мае 1925 года, признаваясь, что получает «в месяц, вероятно, 150—200 штук писем из России и из разных концов земли, от Харбина и Мельбурна, до Марокко и Парижа» [Горький, 2012, с. 179]. Письма Горького рубежа 1924—1925 годов привлекают не только широтой географии переписки. Они отражают те существенные изменения, которые произошли в 1925 году в отношениях между советской Россией и Западом. 1925 год в истории отечественной литературы стал рубежом, на долгие годы разделившим русскую культуру метрополии и эмиграции. Одним из симптомов начавшегося разрыва становится «окончательное» решение советских властей не допускать в Россию журнал «Беседа», издававшийся в Берлине (1923—1925). Он был создан по инициативе В. Шкловского, поддержанной М. Горьким и В. Ходасевичем. Несмотря на то, что задачу журнала его инициаторы видели в информировании читателя о состоянии литературы и науки в Европе и Америке, он так и не был допущен к распространению в Советском союзе. После выхода семи номеров было принято совместное решение издателей и редакторов закрыть проект. Судьба этого журнала, где редактором отдела поэзии был В. Ф. Ходасевич, о чем он пишет в своих воспоминаниях [Ходасевич, 1997], является смысловым центром переписки с ним М. Горького. Горький же неоднократно поднимает волнующий его вопрос допуска журнала в Россию в письмах к Ф. А. Брауну [Горький, 2012, с. 9]; Е. П. Пешковой [Там же, с. 53], Вяч. И. Иванову [Там же, с. 56], П. П. Крючкову [Там же, с. 75] и другим корреспондентам, но главным адресатом писем о «Беседе» выступает В. Ходасевич как его соредактор.

Всего за рассматриваемый период со 2 июня 1924 года по 13 августа 1925 года из Сорренто Горьким было написано 14 писем Ходасевичу, после чего, как пишет исследователь, «обрывается семилетнее дружеское общение» Горького с В. Ходасевичем, связанное, по мнению И. А. Бочаровой, с «прекращением печатания журнала» и переездом Ходасевича весной 1925 года в Париж [Бочарова, 2012, с. 391]. Прекращению деловых и дружеских отношений, помимо разногласий другого порядка, безусловно, послужило также Постановление ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» [Постановление ..., 1925]. Однако еще 9 мая 1925 года, до публикации Постановления, Ходасевич после большо-

го перерыва в общении (предыдущее письмо Горького ему было написано 5 сентября) пишет адресату о назревшем разрыве между литературой эмиграции и метрополией: «Думаю, что дифференциация заканчивается. Кому суждено было сменить вехи, это уже сделали. Пожалуй, возможны еще единичные случаи, да и то вряд ли» [Ходасевич, 19976, с. 487]. Как отмечает И. А. Бочарова, «в эти самые дни “меняет вехи” и сам Ходасевич» [Бочарова, 2012, с. 392].

3.2. Публицистическая функция этикетности в структуре письма

Если читать письма Горького в хронологической последовательности и принимать во внимание их содержательно-структурный уровень и стилистику, то можно заметить, как постепенно, под влиянием внешних событий, угасал темп общения, но возрастал элемент шутливо-ироничного тона, за которым Горький пытался скрыть все более охватывающее его чувство беспомощности, отсутствие возможности издалека содействовать становлению новой русской культуры. Так в письме от 15 мая 1925 года Горький делится с Ходасевичем информацией, пришедшей из России о возможности распространения журнала «Беседа» в России: *По вопросу — огромнейшей важности вопросу! — о том, пущать или не пущать «Беседу» на Русь, было созвано многочисленное и чрезвычайное совещание сугубо мудрых* [Горький, 2012, с. 178]. Окончательное решение о запрете распространения журнала в Советском союзе было принято на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 18 июня 1925 года. Впервые публикация Протокола заседания Политбюро ЦК РКП(б) и его подробный комментарий были осуществлены И. Вайнбергом [Вайнберг, 1995]. Свою оценку итогов «совещания сугубо мудрых» по вопросу «огромнейшей важности» Горький облакает в шутливую форму, используя просторечия (*пущать, воротится*). Включая просторечие в высказывание, Горький тем самым характеризует низкий уровень интеллектуальной культуры тех, кто принимает решения, препятствующие, по мнению Горького, литературному и научному образованию страны: *За то, чтобы пущать, высказались трое: Ионов, Каменев и Белицкий, а все остальные: «не пущать, тогда Горький воротится домой». А он и не воротится! Он тоже упрямый* [Горький, 2012, с. 178]. При этом текст высказывания строится на приеме имитации диалога, который ведет Горький со своими оппонентами там, в России, а не только с Ходасевичем.

Особой информативностью отличается этикетная часть письма, «завязка» диалога — обращение к адресату. Как правило (9 из 14 писем), обращение отделяется от следующего текста запятой: *Дорогой Владислав Фелицианович, Случевского вам привезет Блок, который вчера был у меня...* [Горький, 2012, с. 178], запятой и тире: *Дорогой Владислав Фелицианович, — совершенно согласен с вашей оценкой Зам(ятина)* [Горь-

кий, 2012, с. 23]. Такая конструкция «завязки» сюжета показывает, что Горькому необходимо сразу перейти к обсуждению вопросов, касающихся срочных редакционных дел либо актуальных литературных проблем. Так, письмо от 5 сентября 1924 года начинается с развернутого метафорического обращения к Ходасевичу: *Эффенди! Клянусь бородой Магомета и прахом моего отца, что я знаю разницу между Сентябрем и Октябрем....* [Горький, 2012, с. 51]. Речь идет о путанице с датой приезда в Сорренто, допущенной Ходасевичем. Адресант так воссоздает образ адресата, для которого вопросы творчества важнее бытовых проблем. Образ *Эффенди!* отсылает к сверхтекстовой реальности: так в османской империи обращались к человеку образованному, которому не подобает путать такие элементарные вещи, как следование октября за сентябрем, но извинительно тому, кто «забит» (по выражению Горького) *долголетним подсчетом хозяйственного инвентаря, некогда принадлежавшего небогатому помещику А. С. Пушкину* [Горький, 2012, с. 51]. Горький имеет в виду публикацию книги Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» в Ленинграде.

Структура письма, датированного концом августа 1924 года, напоминает официальный документ: в правом верхнем углу, там, где всегда в официальных бумагах указывается адресат, значится: *В. Ф. Ходасевичу. 21.VIII.24.* Следующая строчка с красной строки: *Письмо в «Беседу» послал* [Горький, 2012, с. 48]. Такой способ расположения текста на странице — вынесение одного предложения в абзац — композиционный прием, характерный для публицистического стиля Горького еще самарского периода журналистской деятельности. Горький-публицист акцентировал те места текста, которые считал наиболее значимыми. В данном случае речь шла о «Письме в редакцию» В. Ходасевича, возмущенного тем, что его книга «Поэтическое хозяйство Пушкина» издана в Ленинграде (1924) с «безобразными искажениями, пропусками и добавлениями», которые автор называет «наглými и умышленно издательскими» [Ходасевич, 1997, с. 476—478], в связи с этим он считает необходимым опубликовать «Письмо» и за границей, и в России. Горький выполняет просьбу В. Ходасевича, сообщает, что «Письмо послал», то есть отослал в редакцию «Русского современника», и никак не комментирует его содержание. В России текст письма В. Ходасевича в ответ на рецензию Б. Томашевского [Томашевский, а, 1924, с. 262—263] был опубликован в следующем, четвертом номере «Русского современника» в разделе «Письма в редакцию» вместе с ответом Б. Томашевского [Письма в редакцию ..., 1924, с. 281—282]. Как следует из «Письма» Ходасевича, его возмущение вызвал отзыв Б. Томашевского, указавшего на отдельные недостатки книги, а не на ее содержание в целом. Можно предположить, что отсутствие комментария (своеобразная фигура умолчания в письме Горького) свидетель-

ствовало о его несогласии с упреками Ходасевича в адрес Б. Томашевского, солидарности с позицией критика о недопустимости ведения публичной научной полемики в оскорбительном тоне.

В одном из последних писем от 13 августа 1925 года Горький опять начинает письмо без сложившегося в переписке с адресатом развернутого обращения (*Дорогой Владислав Фелицианович*). Мотивировано это принципиальным несогласием Горького с оценкой Ходасевичем советской России. Негативное отношение к позиции Ходасевича Горький, помимо прямого высказывания, выражает следующим образом: он помещает обращение в виде инициалов корреспондента в середину структуры первой фразы письма: *Я, конечно, не соглашусь, дорогой В. Ф., с тем, что в России «нет воли к работе», как Вы это утверждаете* [Горький, 2012, с. 243]. Так Горький реагирует на «объясняющее» письмо Ходасевича по поводу его очерка «Бельфаст»: *Вы не правы, — пишет Ходасевич, — сердясь на меня за «Бельфаст». Я не о сделанном писал, а о делании* (выделено курсивом автором письма. — М. У.). *О воле к работе, которой в России нет, как не было тогда, когда Вы писали «Работягу Словотекова». От прожекторства до — не один шаг* [Ходасевич, 1997, с. 487]. Поводом к полемике послужил очерк, написанный Ходасевичем по впечатлениям от посещения судостроительной верфи Бельфаст в Ирландии. В очерке автор дал высокую оценку организации труда в Бельфасте, противопоставив работу верфи тому, что не соответствует действительности в Советском Союзе, но превозносится советской литературой. *О, бедные российские воспеватели горна и молота! — писал Ходасевич. — Они славословят царевококшайскую комячейку, которая в сотрудничестве с комсомолом, укомом и исполкомом в каких-нибудь три воскресника коллективно сконструировала две пары клещей и вычистила полфунта ржавых гвоздей! Они и во сне не выдывали такой работы, как здесь, на полуумершей бельфастской верфи! О, скорбноглавые российские футуристы и урбанисты — единственный контингент, на вербованный воистину «от сохи»! Что видали они, кроме тихого Замоскворечья да идиллической речки Смородинки, той самой, у которой Илья Муромец сиднем сидел тридцать три года!* [Ходасевич, 1997, с. 45]. По-видимому, именно эти строки очерка Ходасевича рассердили Горького, поэтому в ответном письме он не поприветствовал, как обычно, своего корреспондента, но довольно резко высказался по поводу упомянутой в очерке пьесы «Работяга Словотеков». Содержание пьесы, по мнению Ходасевича, подтверждает отсутствие у русских людей «воли к работе». Горький вступает в полемику с Ходасевичем и, во-первых, указывает на существенное различие между понятиями «воля» и «умение», то есть включает суждение адресата в свой текст, усиливая этим негативную оценку неверно употребленного слова, хотя, конеч-

но, дело не только в этом («можно говорить и спорить не о наличии воли, а о наличии умения работать»), а во-вторых, пишет Горький, ссылка на «Словатскова» — не годится, текста этой шутки Вы не знаете [Горький, 2012, с. 243]. Обратим внимание на то, как эффективно Горький использует публицистический прием финальной фразы, «разбивающей» все аргументы адресата. Действительно, текст сценария пьесы, написанный Горьким, был существенно изменен режиссером и актерами Театра народной комедии. Сюжетный костяк действия дополнялся импровизациями, трюками, произвольно менялся произносимый текст, финал. Опубликованные в газетах аннотации сценария и его краткий пересказ отражали не авторский замысел, а его сценарную интерпретацию, не совпадавшую с оригинальным текстом [Горький, 1973, с. 533—535]. Как видим, и начало письма, и завершение первого абзаца содержат весьма серьезные упреки Ходасевичу, которого Горький уже не видит в качестве сотрудника «Беседы». Горький понимает, что изменившаяся после Постановления политбюро ЦК РКП (б) ситуация делает невозможным в дальнейшем издание «Беседы» за границей, и сообщает адресату, что в будущем «Беседа», *кажется, будет журналом, посвященным вопросам современной науки, современного искусства, без стихов, без беллетристики. Печататься будет в России, потому что это значительно дешевле* [Горький, 2012, с. 244]. На этом письме их эпистолярное общение завершилось.

3.3. Структура текста. Функции литературных ассоциаций

Содержание и структура основной части писем М. Горького В. Ходасевичу отражает еще одну сюжетно-композиционную особенность текста — расчет на образно-эмоциональную реакцию адресата, так как переход адресанта от одной темы к другой часто отражал не логику причинно-следственных связей, а характер рождения образов, возникающих у адресата по ассоциации, в процессе написания письма. Такой тип структуры характерен в основном для переписки начала совместной работы над проектом «Беседы». Так, в письме от 5 сентября 1924 года Горький сообщает, имея в виду работу над «Делом Артамоновых»: *... погряз в повести очень бытовой и в такой мере скучной, что если за скуку где-нибудь дают премии, — первая премия обеспечена, я ее получу* [Горький, 2012, с. 52]. Следующий абзац Горький начинает с вопроса: *Как вам нравится Борис Савенков?* (так написано автором письма. — М. У.) [Там же] — и отвечает на него сам: *Я всегда считал его типичным русским мерзавцем карамазовского типа и, конечно, не Митей, а — Смердяковым. Палач, склонный к лирике* [Там же]. Образ Савинкова возникает в результате ассоциативного сближения времени действия «Дела Артамоновых» (конец XIX — начало XX веков), когда в России начинается распространение революционных идей, их

разрушительный потенциал запечатлен в образе героя повести Б. Савинкова «Конь бледный» (1909). Повесть, написанная в виде лирического дневника героя-террориста, размышляющего «о праве человека убить», в свое время вызвала резко отрицательную оценку Горького: *После «Коня бледного» я определенно невзлюбил автора этой, насквозь лживой повести, написанной палачом, не чуждым лиризма и зараженным карамазовской болезнью* [Горький, 1977, с. 689]. Источником, проясняющим эту ассоциацию, является заметка, набросанная Горьким во время суда над Б. Савинковым в Москве в конце августа 1924 года. Движение ассоциаций в данном письме весьма причудливо: от критической оценки собственной повести к реакции на судебный процесс над эсером-террористом и его характеристике как Смердякова. Образ реального Савинкова, представшего перед судом, воссоздается Горьким через обращение сразу к двум литературным персонажам: Смердякову и главному герою «Коня бледного» Жоржу, от лица которого ведется повествование. Обращаясь к Жоржу, руководителю террористической группы, один из ее членов (Ваня) спрашивает: *Думал ли ты, как веровать и как жить? <...> мне кажется, есть только два, всего два пути. Один, — все позволено. Понимаешь ли: все. И тогда — Смердяков. Если, конечно, сметь, если на все решиться. Ведь если нет Бога и Христос человек, то нет и любви, значит, нет ничего* [Савинков, 1914, с. 8]. Герой повести — Жорж, так же, как и его создатель, представлялся Горьким как живое воплощение смердяковщины — вершитель кровавого «подвига» во имя утверждения своего права распоряжаться судьбами людей.

Завершает письмо, начатое шутивым *Эффенди!*, интонация трагическая, вызванная предчувствием, что его «скудная повесть» об ушедшей России («Дело Артамоновых») не соответствует пафосу современной русской литературы, настроенной на изображение героического настоящего. Усиливает общий невеселый тон письма отсылка к образу «воспитательницы», как ее именует Горький, Б. Савинкова, Зинаиды Гиппиус, «этой талантливой и умной женщины», в свое время благословившей автора «Коня бледного» на литературную деятельность. Ассоциативное сближение роли Гиппиус в судьбе Б. Савинкова (псевд. В. Ропшин), возможно, было подсказано интуитивным разочарованием в полезности для литературы той работы, которую титанически проводил сам Горький с начинающими и не только писателями. Финал письма, начатого бодро и оптимистично, интонирован в резко противоположной манере: *И — вообще: каждый день, разевая гнилую пасть, орет гнусности и дышит отравой. Честное слово, — ночами я, один на один с собою, и так тяжело чувствую себя, что, — не будь это пошло и смешно — застрелился бы. Утешаюсь лишь тем, что все пишу, пишу до полного утомления и знаю, что пишу очень плохо,*

все не то, не так. Стараюсь шутить, — но тоже плохо выходит. Раньше шутка помогла мне [Горький, 2012, с. 52]. Сюжетно-композиционная структура письма весьма характерна: в ней отчетливо видно, как в процессе создания текста меняется настроение адресанта в зависимости от предмета высказывания, при этом сцепление отдельных фрагментов сюжета осуществляется на основе свободных ассоциаций.

Другой характерный пример сюжетного структурирования текста — включение в текст цитат или ссылок на «чужое слово», которые используются в качестве аргументов высказывания и раздвигают временные и пространственные рамки его. Так, в письме от 13 июля 1924 года, отвечая на вопрос корреспондента, давал ли он согласие на печатание своего рассказа «Встречи» в газете «Vossische Zeitung», Горький сообщает, что права на *все* (выделено Горьким) его издания *куплены Куртом Вольфом и Рубинштейном, т. е. ... сии купцы могут печатать меня даже на клозетной бумаге, что, они, вероятно, и сделают. Ибо — современному жителю Европы читать некогда* [Горький, 2012, с. 30—31]. В качестве аргумента Горький, подчеркивая господство товарно-денежных отношений в книгоиздательской сфере Западной Европы, приводит фразу из статьи Луначарского «Максим Горький» [Луначарский, 1924], заключая ее в кавычки: *«Таково положение писателя при капиталистическом строе», — как говорит Луначарский* [Горький, 2012, с. 30]. Контекст цитирования существенно расширяет смысловой потенциал высказывания за счет диалога, созданного Горьким по типу рассеянного разноречия. Он представляет собой модель бесконтактной дискуссии с Л. Троцким, вызванной публикацией в берлинском издательстве И. Ладыжникова статьи М. Горького «О русском крестьянстве» [Максим Горький, 1922]. Пафос отклика Троцкого, опубликованного в газете «Руль», определен целью автора «предупредить» русскую эмиграцию об опасности публикаций произведений Горького. «Переступил границы России <...>, пишет Троцкий, — проявляет себя теперь в своем истинном свете, возбуждает теперь русских крестьян и подстрекает их к революции против советского правительства. Такую деятельность мы должны осудить со всей решительностью» (выделенные слова Горький подчеркивает красным карандашом) [Троцкий, 1924]. В письме Горький не цитирует подчеркнутую, фразу, но интерпретирует ее следующим образом: *А т. Троцкий говорит, что я контрреволюционер и настраиваю крестьянство против советской власти. А т. Вишняк говорит наоборот: это я власть против крестьян настраиваю. И, вообще, все говорят, а кого слушать — не знаю* [Горький, 2012, с. 30]. Помимо синтаксического параллелизма, обозначившего еще одну сюжетную линию письма, анафоричность строения фраз с сочинительными суффиксами, по-видимому, обозначала бесконечность продолжения

перечислений обвинительного характера в адрес писателя. Горький четырежды повторяет слово *говорят*, тем самым усиливая ироническую оценку того, что о нем пишут в советской России. Зависимость писателя от прав европейских владельцев на издание его произведений отождествляется этим диалогом с тем, как реагировала власть предрежащих в России на авторитет писателя в европейской культуре.

Включение «чужого» слова или ссылка на него в сюжетной структуре выполняли также коммуникативную функцию: привлечь внимание корреспондента в расчете на ответную реакцию, однако не всегда она удовлетворяла адресанта. В одном из писем М. Горький делится с В. Ходасевичем мнением о публикации в России пьесы А. Толстого «Бунт машин» (1924), в предисловии к изданию которой автор указал, что «взял тему Чапека». По мнению Горького, это признание Толстого может стать причиной «крупного скандала, не лестного для нас», то есть для всех русских литераторов [Горький, 2012, с. 7], то есть дает адресату возможность обсудить тему литературного плагиата. Однако Ходасевич не разделяет беспокойства корреспондента и сообщает, что среди русской литературной эмиграции эта история известна, но *как-то ею не заняты* <...> *Если скандал пойдет в «планетарном масштабе», — писал адресат, — то, по-видимому, будут подчеркивать: мы — русские, а Толстой — СССР-ский* [Горький, 2012, с. 405—407]. Из ответа Ходасевича следует, что такое противопоставление является нормой в оценке современного литературного процесса в литературных кругах эмиграции, поэтому к этому вопросу в следующем письме корреспонденту Горький не возвращается, несмотря на то, что это противопоставление в известной степени могло быть применено и к оценке его собственного положения.

Появление в сюжете цитат было связано с редактированием материала, предназначенного к публикации, и запускало фрагмент сюжета литературно-критического характера. Так, в письме от 17 июня 1924 года Горький, высказываясь относительно очерка Н. А. Оцупа «Поездка в Малагроту», приводит перечень досадных ошибок, допущенных автором. Он пишет: *Христа — в иконографии — никогда не изображали «овцой», но лишь агнцем. Церковь не называет овцами «добрых пастырей». Ризотто не творог, а рис. И еще многое — в этом духе — допущено автором* [Горький, 2012, с. 17]. Помимо фактических ошибок, которые, по мнению Горького, необходимо устранить, есть и стилистические погрешности: *«фраза равная, автор шьет не той иглою»*, поэтому интересный в целом материал надо переписать, *«сократив, елико возможно, конец — со стр. 14-й»* [Там же]. Заметим, как деликатно выражает Горький свою оценку очерка, вводя в текст письма просторечия *елико* (устар. кн. «возможно»), *засим*, сближая по ассоциации оценку стиля, нуждающегося в правке (*шьет не той*

иглою), с тем, как Пушкин характеризует старательность Мавруши из «Домика в Коломне»: «Шить сядет — не умеет взять иголку; Ее бранят — она себе молчит...» [Пушкин, с. 332]. Выражение *не той иглою шьете* Горький использует и в других случаях, например, в письме И. Калининкову, критикуя *уродливые местные речения* в языке автора [Горький, 2012, с. 15].

Критическая оценка литературной деятельности кого-то из современников могла быть представлена и в виде краткого сообщения о важном событии, которое в данном случае имело большое значение и для адресанта, и для адресата. В письме от 23 июля 1924 года, в целом частного характера, четвертый абзац состоит из одной строки: *Новость: Луначарский пишет «Шекспира». Кажется, я рассержусь и начну писать Библию* [Горький, 2012, с. 33]. Горькому важно поделиться информацией о том, что происходит в России, где А. В. Луначарский занимает пост наркома просвещения. Судя по второй части фразы, Горький знал содержание статьи до ее публикации. Сам факт популяризации творчества Шекспира, конечно, был очень важен для Горького, но Луначарский, характеризуя мировоззрение Шекспира, существенно упрощает его: «В бога он верит плохо <...> Он прекрасно знает, что бог не играет в жизни большой роли <...> в самодержавие он не только не верит, но и терпеть его не может и считает его своим врагом <...>. Демократию он признает и считает, что она права, когда вопит от голода, когда сомневается в том, что в государственных законах есть сколько-нибудь правды, но считает ее слепым и бешеным стадом», Шекспир — это кличка графа Ретленда, «адепта совершенно определенной партийной линии, определенной группы» и т. д. [Луначарский, 1924]. Расчет автора на восприятие текста массовым читателем (журнал был органом ВЦСПС) вызывает резкое неприятие адресанта: он сравнивает достоверность сообщаемых сведений с тем, что могло бы выйти из-под пера Горького, поставившего цель написать Библию. Так в структуре письма возникает смысловая лакуна, цель которой — активизировать внимание адресата, способного к эмоционально-образному восприятию свободной ассоциации адресанта. Но эта же смысловая лакуна демонстрирует эффективность афористичности публицистики, включающейся в образную ткань дружеской беседы, «болтовни» о безнравственности Парижа, отъезде «в лимитроф свой» Будберг, нелюбви к немкам и работе итальянской почты.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование показало, что в переписке М. Горького с В. Ходасевичем складывается особый жанр, для которого характерна структура, обладающая как устойчивыми, так и вариативными приемами апелляции к адресату. Сюжетно-композиционное единство рассмотренных

писем к корреспонденту обусловлено тем, что все они созданы Горьким с целью укрепления творческого статуса русской литературы как классической, так и современной, за пределами СССР. Проблемно-тематический подход к анализу жанровой специфики писем в сочетании с хронологическим показал, что доминирующим признаком жанра является индивидуальность личности адресата. Опираясь на события и факты действительности, адресат создает сюжетно-композиционную структуру, в которой значительную роль играют авторские ассоциации, рождающиеся во время создания письма. Важную задачу в диалогической конструкции письма выполняют сверхтекст, представленный именами, произведениями, отсылающими к актуальным историко-литературным проблемам, и созданное ими семантическое поле смыслов, ориентированное на восприятие профессионального поэта, журналиста, литературного критика. Перспектива дальнейшего исследования письма как особого речевого жанра в творческом наследии М. Горького заключается в доказательстве гипотезы о письме как жанровой структуре, обладающей теми же функциональными возможностями, что и другие произведения художника слова.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 356—367.
2. Балухатый С. Д. Литературная работа М. Горького. Дополнительный список первопечатных текстов и авторизованных изданий. 1889—1936 / С. Д. Балухатый, К. Д. Муратова. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941. — 197 с.
3. Благой Д. Д. Типы советских изданий русских писателей-классиков / Д. Д. Благой // Вопросы текстологии. — Москва : [б. и.], 1957. — С. 5—28.
4. Бочарова И. А. Примечания / М. Горький // Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. — Москва : Наука, 2012. — Т. 15. — С. 391—399. — ISBN 9785020407978.
5. Бурсов Б. И. «Мать» М. Горького и вопросы социалистического реализма / Б. И. Бурсов. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1951. — С. 46—47.
6. Быстрова О. В. Проблемы комментирования писем А. М. Горького 1924—1930 гг. : по материалам тома 19 Полного собрания сочинений М. Горького (серия «Письма») / О. В. Быстрова // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. — Москва : ИМЛИ РАН, 2018. — Книга 3. — С. 117—128.
7. Вайнберг И. И. Берлинский журнал «Беседа», его издатель С. Г. Каплун, поэт В. Ф. Ходасевич и другие / И. И. Вайнберг // Евреи в культуре русского зарубежья. — Иерусалим : [б. и.], 1995. — С. 187—207.
8. Волков А. А. М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX веков / А. А. Волков. — Москва : Советский писатель, 1951. — С. 64—66.

9. *Горький в зеркале эпохи (неизданная переписка)*. — Москва : ИМЛИ РАН, 2010. — 736 с. — ISBN 978-5-9208-0370-2.
10. *Горький и его корреспонденты* / ред. колл. — Москва : ИМЛИ РАН, 2005. — 680 с.
11. *Горький М. <Б. Савинков>* // Полное собрание сочинений. Варианты к художественным произведениям : в 10 т. — Москва : Наука, 1977. — Т. 5. — 714 с.
12. *Горький М. Полное собрание сочинений* : Художественные произведения : в 25 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1973. — Т. 19. — 557 с.
13. *Горький М. Полное собрание сочинений. Письма* : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2012. — Т. 15. — 966 с. — ISBN 978-5-02-040797-8.
14. *Гришунин А. Л. Принципы передачи эпистолярных жанров в печати* / А. Л. Гришунин // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. — Москва : Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1964. — Выпуск 3. — С. 73—137.
15. *Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания* / В. З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Выпуск 17. — С. 368—377.
16. *Ефременко Э. Л. Вопросы комментирования эпистолярных текстов* / Э. Л. Ефременко // Принципы издания эпистолярных текстов. — Москва : Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1964. — Выпуск 3. — С. 138—181.
17. *Литературное наследство. Горький и советские писатели : неизданная переписка* / ред. И. С. Зильберштейн, Е. Б. Тагер ; вступ. ст. Л. И. Тимофеева. — Москва : Академия наук СССР, 1963. — Т. 70. — 736 с.
18. *Лихачев Д. С. Текстология* / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1983. — 639 с.
19. *Луначарский А. В. Максим Горький* / А. В. Луначарский // Призыв. — 1924. — № 5. — С. 104—120.
20. *Луначарский А. В. Шекспир и его век [Электронный ресурс]* / А. В. Луначарский // Наследие А. В. Луначарского. Книги. — Режим доступа : <http://lunacharsky.newgod.su> (дата обращения 09.01.2025).
21. *Максимъ Горькій. О русскомъ крестьянствѣ* / Максимъ Горькій. — Берлин : Издательство И. П. Ладыжникова, 1922. — 43 с.
22. *Михайлов А. Д. Основные типы зарубежных изданий эпистолярного наследия писателей : на материале французских писателей XVIII—XIX вв.* / А. Д. Михайлов // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. — Москва : Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1964. — Выпуск 3. — С. 245—307.
23. *Муратова К. Д. Максим Горький и Леонид Андреев* / К. Д. Муратова // Литературное наследство. М. Горький и Л. Андреев : неизданная переписка. — Москва : Наука, 1965. — Т. 72. — С. 1—52.
24. *Наумов Е. Ю. Частная переписка XX—XXI вв. как объект археографического анализа* / Е. Ю. Наумов // Археографический ежегодник за 1986 год. — Москва : Наука, 1987. — С. 35—45.
25. *Овчаренко А. И. От редакции. Вступительная статья* / А. И. Овчаренко // М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. — Москва : Наука, 1997. — Т. 1. — С. 5—13.
26. *Паперно И. А. Переписка как вид текста. Структура письма* / И. А. Паперно // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. — 1974. — № 1 (5). — С. 214—215.
27. *Письма в редакцию* // Русский современник. Литературно-художественный журнал. — 1924. — № 4. — С. 281—283.

28. Плотникова А. Г. Издание писем А. М. Горького : история и методология / А. Г. Плотникова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2024. — № 2 (март — апрель). — С. 71—79.
29. Постановление ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» 18 июня 1925 г. // Правда. — 1925. — № 147. — 1 июля.
30. Прохоров Е. И. Эпистолярная публицистика / Е. И. Прохоров. — Москва : Издательство Московского университета, 1966. — 60 с.
31. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. — Т. IV. —
32. Савинков Б. В. [Ропшин В.] Конь бледный / Б. В. Савинков [В. Ропшин]. — 3-е изд. — Петроград ; Москва : Товарищество М. О. Вольф, 1914. — 125 с.
33. Сметанин В. А. Новое в развитии представлений об эпистолографии / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. — 1980. — Выпуск 17. — С. 5—18.
34. Смирнова Л. Н. Типы и виды изданий эпистолярного наследия / Л. Н. Смирнова // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. — Москва : Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1964. — Выпуск 3. — С. 182—244.
35. Спиридонова Л. А. Проблема подготовки научного издания эпистолярных текстов / Л. А. Спиридонова // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. — Москва : ИМЛИ РАН, 2018. — Книга 3. — С. 27—32.
36. Спиридонова Л. А. Сложные случаи реконструкции текста / Л. А. Спиридонова // Русская литература XX века. Текстологический временник. Вопросы текстологии и источниковедения. — Москва : ИМЛИ РАН, 2012. — Книга 2. — С. 20—25.
37. Тимофеев Л. И. Горький в переписке с советскими писателями / Л. И. Тимофеев // Литературное наследство. Горький и советские писатели. — Москва : Академия наук СССР, 1963. — Т. 70—2. — С. 7—26.
38. Томашевский Б. В. В. Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина. Ленинград, 1924 / Б. В. Томашевский // Русский современник. Литературно-художественный журнал. — 1924. — № 3. — С. 262—263.
39. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — Москва ; Ленинград, 1931. — 241 с.
40. Троцкий Л. Д. Переступил границы России / Л. Д. Троцкий // Руль. — 1924. — № 1086. — 2 июля.
41. Ходасевич В. Ф. Бельфаст / В. Ф. Ходасевич // Собрание сочинений : в 4 т. — Москва : Согласие, 1997а. — Т. 3. — С. 40—46.
42. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Ф. Ходасевич. — Москва : Согласие, 1997б. — Т. 4. — 741 с.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025,
одобрена после рецензирования 12.04.2025,
подготовлена к публикации 22.04.2025.

References

- Arutyunova, N. D. (1981). Addressee's factor. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. a series of literature and language*, 40 (4): 356—367. (In Russ.).
- Balukhaty, S. D., Muratova, K. D. (1941). *Literary work of M. Gorky. An additional list of original printed texts and authorized editions. 1889—1936*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 197 p. (In Russ.).

- Blagoy, D. D. (1957). Types of Soviet editions of Russian classic writers. In: *Questions of textual criticism*. Moscow: [b. i.]. 5—28. (In Russ.).
- Bocharova, I. A. (2012). Notes. In: *Complete works. Letters: in 24 volumes, 15*. Moscow: Nauka. 391—399. ISBN 9785020407978. (In Russ.).
- Bursov, B. I. (1951). *Gorky's "Mother" and questions of socialist Realism*. Moscow; Leningrad: State Publishing House of Fiction. 46—47. (In Russ.).
- Bystrova, O. V. (2018). Problems of commenting on the letters of A. M. Gorky in 1924—1930: based on the materials of Volume 19 of the Complete Works of M. Gorky (Letters series). In: *Textual Timeline. Russian literature of the twentieth century. Issues of textual and source studies, 3*. Moscow: IMLI RAS. 117—128. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (1986). Pragmatic foundations of utterance interpretation. *New in foreign linguistics, 17*: 368—377. (In Russ.).
- Efremenko, E. L. (1964). Issues of commenting on epistolary texts. In: *Principles of publishing epistolary texts, 3*. Moscow: USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. 138—181. (In Russ.).
- Gorky and his correspondents*. (2005). Moscow: IMLI RAS. 680 p. (In Russ.).
- Gorky in the mirror of the Epoch (unpublished correspondence)*. (2010). Moscow: IMLI RAS. 736 p. ISBN 978-5-9208-0370-2. (In Russ.).
- Gorky, M. (1973). *Complete works of art: Works of art: in 25 volumes, 19*. Moscow: Nauka Publ. 557 p. (In Russ.).
- Gorky, M. (1977). <B. Savinkov>. In: *Complete works. Variants to works of art: in 10 volumes, 5*. Moscow: Nauka. 714 p. (In Russ.).
- Gorky, M. (2012). *The Complete Works. Letters: in 24 volumes, 15*. Moscow: Nauka. 966 p. ISBN 978-5-02-040797-8. (In Russ.).
- Grishunin, A. L. (1964). Principles of transmission of epistolary genres in print. In: *Principles of publishing epistolary texts. Issues of textology, 3*. Moscow: USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. 73—137. (In Russ.).
- Khodasevich, V. F. (1997a). Belfast. In: *Collected works: in 4 volumes, 3*. Moscow: Concord. 40—46. (In Russ.).
- Khodasevich, V. F. (1997b). Belfast. In: *Collected works: in 4 volumes, 4*. Moscow: Consent. 741 p. (In Russ.).
- Letters to the editor. (1924). *Russian Contemporary. Literary and Artistic journal, 4*: 281—283. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1983). *Textology*. Moscow: Nauka Publ. 639 p. (In Russ.).
- Literary heritage. Gorky and the Soviet Writers: unpublished correspondence, 70*. (1963). Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 736 p. (In Russ.).
- Lunacharsky, A. V. (1924). Maxim Gorky. *Call, 5*: 104—120. (In Russ.).
- Lunacharsky, A. V. B. Shakespeare and his century. *Legacy of A. V. Lunacharsky. Books*. Available at: <http://lunacharsky.newgod.su> (accessed 09.01.2025). (In Russ.).
- Maxim Gorky. (1922). *About the Russian peasantry*. Berlin: I. P. Ladyzhnikov Publishing House. 43 p. (In Russ.).
- Mikhailov, A. D. (1964). The main types of foreign publications of the epistolary heritage of writers: based on the material of French writers of the XVIII—XIX centuries. In: *Principles of publishing epistolary texts. Issues of textology, 3*. Moscow: USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. 245—307. (In Russ.).
- Muratova, K. D. (1965). Maxim Gorky and Leonid Andreev. In: *Literary legacy. M. Gorky and L. Andreev: unpublished correspondence, 72*. Moscow: Nauka Publ. 1—52. (In Russ.).

- Naumov, E. Y. (1987). Private correspondence of the XX—XXI centuries. as an object of archeographic analysis. In: *Archeographic Yearbook for 1986*. Moscow: Nauka Publ. 35—45. (In Russ.).
- Ovcharenko, A. I. (1997). Editor's note. Introductory article. In: M. Gorky. *The complete works. Letters: in 24 volumes, I*. Moscow: Nauka. 5—13. (In Russ.).
- Paperno, I. A. (1974). Correspondence as a type of text. The structure of writing. *Proceedings of the All-Union Symposium on Secondary Modeling Systems, 1 (5)*: 214—215. (In Russ.).
- Plotnikova, A. G. (2024). Publication of letters of A.M. Gorky: history and methodology. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. a series of literature and language, 2*: 71—79. (In Russ.).
- Prokhorov, E. I. (1966). *Epistolary journalism*. Moscow: Moscow University Press. 60 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1950). *The complete works: in 10 volumes, IV*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Resolution of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) “On the party’s policy in the field of fiction” on June 18, 1925. (1925). *Pravda, 147: July 1*. (In Russ.).
- Savinkov, B. V. [Ropshin, V.] (1914). *Pale horse*. Petrograd; Moscow: M. O. Wolf Association. 125 p. (In Russ.).
- Smetanin, V. A. (1980). New in the development of ideas about epistolography. *Ancient antiquity and the Middle Ages, 17*: 5—18. (In Russ.).
- Smirnova, L. N. (1964). Types and types of publications of the epistolary heritage. In: *Principles of publishing epistolary texts. Issues of textology, 3*. Moscow: USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. 182—244. (In Russ.).
- Spiridonova, L. A. (2012). Complex cases of text reconstruction. In: *Russian literature of the twentieth century. The textual timeline. Issues of textual and source studies, 2*. Moscow: IMLI RAS. 20—25. (In Russ.).
- Spiridonova, L. A. (2018). The problem of preparing a scientific publication of epistolary texts. In: *Textual Timeline. Russian literature of the twentieth century. Issues of textual and source studies, 3*. Moscow: IMLI RAS. 27—32. (In Russ.).
- Timofeev, L. I. (1963). Gorky in correspondence with Soviet writers. In: *Literary heritage. Gorky and the Soviet writers, 70—2*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 7—26. (In Russ.).
- Tomashevsky, B. V. (1924). V. Khodasevich. Pushkin’s poetic economy. Leningrad, 1924. *Russian Contemporary. Literary and Artistic journal, 3*: 262—263. (In Russ.).
- Tomashevsky, B. V. (1931). *Theory of literature. Poetics*. Moscow; Leningrad. 241 p. (In Russ.).
- Trotsky, L. D. (1924). Crossed the borders of Russia. *Steering wheel, 1086: July 2*. (In Russ.).
- Volkov, A. A. (1951). *Gorky and the literary movement of the late 19th and early 20th centuries*. Moscow: Soviet Writer. 64—66. (In Russ.).
- Weinberg, I. I. (1995). The Berlin magazine “Conversation”, its publisher S. G. Kaplun, poet V. F. Khodasevich and others. In: *Jews in the culture of the Russian diaspora*. Jerusalem: [b. i.]. 187—207. (In Russ.).

*The article was submitted 12.02.2025;
approved after reviewing 12.04.2025;
accepted for publication 22.04.2025.*